

- ¹⁶ См.: Daneš F., Hlavsa Z. и Kořenšký J. Postavení slovesa v struktuře české věty. — In: Československé přednášky pro VII. sjezd slavistů (Varšava 1973). Pr., 1973, 129 и сл.; Panevová J. Formy a funkce ve stavbě české věty. Pr., 1980, 25—26; в этой работе имеются ссылки и на небогемистическую литературу о связи между структурой значения слова (глагола) и его формальными грамматическими валентными свойствами (валентным потенциалом).
- ¹⁷ См.: Němec I. Jazykové ztvárnění psychického odrazu skutečností v lexikální význam. — Slovo a slovesnost 44, 1980, 26—31.

В. А. Никонов

НАИМЕНОВАНИЯ СТРАН СВЕТА

Употребляемые повседневно привычные понятия север, юг, восток, запад кажутся извечными; если они и меняли свое лексическое выражение, то новое занимало место прежнего. Это иллюзия. Менялись сами понятия. Ни у одного народа они не рождены, как единое целое, — возникали они порознь, каждое вне связи с другими.

О названиях стран света написано немало, описаны многие способы ориентировки, сделаны ценные наблюдения и некоторые обобщения. Но почти каждая из серьезных статей ограничена одной семьей языков. Нет попыток освоить становление системы в целом, что чрезвычайно важно для истории мировой культуры.

Различны источники, помогающие раскрыть, как человечество ориентировалось в пространстве: археология (ориентировка храмов и захоронений в Древнем Египте лицом к Нилу, на Таймыре — головой на север, — там царство мертвых, как выяснил Б. О. Долгих); этнография (жилые дома в Китае и Монголии обращены на юг); письменность (но она поздняя, а сведения об ориентировке в ней скудны). Не очень богато! Поэтому главный источник — свидетельства живых языков: отражения былого в современных названиях.

Ранние ориентировки локальны: к реке, за горой («вот этой!»). Не века, а тысячелетия рождают способность обобщить. У пивхов нашего времени Е. А. Крейнович констатировал ориентировки по течению рек, из леса к берегу, вниз с горы, на противоположный берег и т. д., самые конкретные, и не было понятия север, оно принесено только русскими. На обсуждении моего доклада в Институте этнографии С. А. Арутюнов рассказал, что у оленых чукчей двадцать два румба пространственной ориентировки, не соотносенных с нашими полюсами и географическими координатами. В языке манси на север первоначально означало 'вниз', т. е. по течению Оби — поворота могучей реки служили основным ориентиром. В бирманском юг — *таунг*, первичное значение 'гора'.

Самая ранняя из ориентировок не локальных — видимое положение солнца по отношению к горизонту. Само существование человечества зависит от солнца. Древние религии обожествляли его. Естественно, что именно местоположение солнца стало основой

пространственной ориентировки (хотя и на это ушел, вероятно, не один из четырех миллионов лет, насчитываемых человечеством). Ориентировка по солнцу зафиксирована у самых различных народов мира, не общавшихся между собой. Особенно часты обозначения востока и запада, а именованья полярных сторон во многих языках иные (в русском, осетинском, адыгейском, эвенском, корякском и др.), но и для этих сторон они нередки (север — лакск. *уцсаа* 'низ неба', фин. *pohja* 'дно' — солнце под горизонтом). Такая общность неродственных языков явно не генетична и не контактна, а типологична: результат одинаковых условий.

При этом само солнце упоминают редко, оно — имплицитно, подразумевается (подобно выражению «кило белого» — главное «хлеба» отброшено, как избыточное). Или, может быть, даже табуировано?

Несравнимо реже названия стран света по звездам, ведущим мореплавателей и охотников. Путь Одиссею указывала Большая Медведица, еще раньше это созвездие стало в Двуречье знаком севера. Латинское название севера *septentrion* 'семерка' — семь быков, это семь звезд Большой Медведицы, отсюда франц. *septentrional* 'северный'. Ожидает обсуждения недавняя гипотеза В. Пизани, объясняющая юг из названия созвездия Весы.

К именованьям по положению солнца семантически очень близки, а лингвистически иногда даже тождественны, названия сторон горизонта по временам суток, особенно частые у народов Восточной Европы — славян (в прошлом *полночь*, *полдень* господствовали, у поляков — и поныне), балтов, румын, финно-угров, есть и в тюркских языках; в немецком одно из обозначений юга *Mittag* 'полдень'. По-видимому, эта общность в значительной мере обязана и контакту, например, ее распространение на Западную Европу из Древнего Рима *west / vesper*, с лат. 'вечер', а там еще из Греции («золотые сады Гесперид», жителей запада — италиков или западных греков). Иногда контактирующие в древности разделены большими расстояниями: венг. *dél* 'юг' из монгол. *дюль*, с предполагаемым посредством тюрков-булгар.

Кроме названий по временам суток есть и названия по временам года: лтш. 'север' *ziemeli* 'зимний' — синонимично с 'холодный' во многих языках и антонимично тождествам 'юг=лето' в языке Маршалльских островов, 'юг-тепло' в ненецком, эвенском, корякском.

В очень многих случаях трудно решить: связаны ли именованья сторон света 'верх, низ' с видимым положением солнца или с рельефом местности, то есть ориентировка не космична, а локальна: северней называющих простиралась низменности. Вариант: 'вниз' — по течению реки. Вслед за Э. К. Пекарским и Г. В. Попов настаивает, что якутское 'север' вторично, а первоначально значение 'вниз по течению реки'; и Г. М. Василевич, приведя обильные примеры, отстаивает приоритет «речной» этимологии тождества 'низ-юг' в языке эвенков. Возможно, но доказательства слишком зыбки — ни былого, ни современного расселение якутов и эвенков не настолько «односторонне». Бесспорней локальны тождества 'север — верх', как некогда в санскрите, а сегодня — в пилотском языке лапо.

Так же по направлениям от называющего, но не вертикальным, а горизонтальным обозначены стороны горизонта с этимологическими значениями основ 'передний, задний, левый, правый'. Историку привлекательно принять их за следы грандиозных миграций. Но эти гипотезы вышли из моды. В древнем и распространенном у всех тюркоязычных народов именовании востока 'передний' видят былое поклонение солнцу — основой ориентации служило положение лицом к восходу солнца, соответственно юг 'правый', север 'левый', запад 'задний, спина'. Так было и у многих других народов не только соседних (некоторые монгольские и тунгусо-маньчжурские), а и очень отдаленных — в семито-хамитских языках амхарском и хауса, в древнеиндийском 'южный' = 'правый', Германоязычное обозначение севера *north* (ныне интернациональное научное *nord*), как полагают, исходно означало 'левый'.

Ориентировка лицом к югу господствует в монгольских языках, вне их — в чукотском восток 'левый'. Это можно объяснить поклонением солнцу в его зените. Но как объяснить ориентацию лицом на запад? В ряде кельтских языков север был правым, так же и у ацтеков Центральной Америки, в гавайском север *akaui* 'правая сторона', а юг — 'левый', у йоруба Африки юг 'левый'. Объединить их едва ли легче, чем объяснить. Этимологии этих именовании осложнены переносными значениями слов 'левый, правый', далеко отошедшими от их прямых значений, как показали исследователи (у нас А. Я. Шайкевич).

Не всеобща, а, напротив, свойственны лишь немногим языковым семьям (хотя и крупным по количеству говорящих) цветовые названия сторон света. Они служат не основными терминами, а лишь параллельными. В китайском и вьетнамском языках север 'черный', юг 'красный', запад 'белый', восток 'зеленый, лазурный', в Центральной Азии окраски иные. И тут вероятно не прямые, а «цепочные», переносные мотивировки: север 'черный', то есть 'бесплодный, плохой, суровый', юг 'красный' — 'цветущий, яркий, горячий' и т. д., — скорей эмоциональные эпитеты, элемент фольклора. Распространены были в тюркских языках (лучшее исследование — А. Н. Кононов, 1978), знакомы и славянам, и индейцам Америки. Верно заметил О. Н. Трубачев (1978): «Следы цветовой символики в обозначениях стран света у славян было бы желательно подвергнуть специальному исследованию». Пока же сам материал не только не сведен, а и не собран.

Нередки изолированные именовании той или иной стороны света: коряк. *айгыткын* 'север', возможно, связано с *айгывэ* 'вчера', у осетин север обозначен словом со значениями 'тухая сторона ножа, противоположная лезвию' и 'дом родителей жены' (может быть, пережиток экзогамии — территория, откуда брали жен?), название изолировано, юг — *хуссар* (*хус* 'сухой').

Непросто понять, почему часты заимствования. Каждый народ сам называл разные стороны вокруг себя. — зачем ему понадобилось заимствовать? Вероятно, именно поэтому, свое «к старой мельнице»

годилось только для узко ограниченного круга, да и мельница давно развалилась, а понятие 'юг', принесенное завоевателями или соседями с более высокой культурой, обладало широким и устойчивым значением, годным для внешнего, расширяющегося общения. На обширной территории от песков Гоби до волн Атлантики соперничают, переплетаясь, иранские и арабские именовании стран света. Их усвоили и местные языки, например, азербайджанский в Закавказье, уйгурский в Центральной Азии, суахили в Африке. Современные названия севера и юга французы получили в XII в. из Англии, куда они принесены из Германии. Славяне называли юг и север только родными словами *полдень* и *полночь*, но в XV в. их теснят наименования *юг* и *север* (этимологии спорны), которые победили почти во всех славянских языках (кроме польского, в других славянские названия еще слышны в живой речи). Некоторые северные и дальневосточные народы СССР не имели названий одной из основных сторон света (и самих понятий), — узнали и усвоили только от русских. Теперь всемирно приняты N(ord), W(est), S(ud), O(st). Так как фонетические возможности языков различны, то заимствования при переходе в другой язык меняли облик; в североякутском момском говоре *саанас* из рус. *запад*, иногда же заимствование неузнаваемо. Во многих случаях нелегко решить: обязана ли общность заимствованию или исконному родству языков.

Названия стран света подвергаются изменениям и переменам. Происходят сдвиги их значений, не говоря уж о различиях диалектных. Смену ориентировки монголов с XIII в. показал В. Котвич (1928). Почти полная замена произошла во французском языке XII в. (А. Dauzat), обильны замены и в других западно-европейских (Ф. Kluge). Общий процесс утраты этимологического значения. Рус. *восток*, став обозначением стороны света, полностью порвало связи со своей основой *востекать* 'течь вверх', а затем и осиротело — глагол отмер.

Во всей противоречивой пестроте и бесчисленных изменениях пробивала путь магистраль — становление системы, трудное и долгое. По историческим масштабам совсем недавно, всего только две с половиной тысячи лет тому назад, выяснена шарообразность Земли, тремя веками позже Эратосфен провел две глобальные линии, пересекающиеся на о. Родос, точки их пересечений с горизонтом стали базой, единой мировой системой ориентировки. Преимущества ее по сравнению со всеми рассмотренными грандиозны: 1) она объективна, не зависит от позиции наблюдателя; 2) она глобальна, едина для всей планеты; 3) она геометрически строга, все деления сторон равны; 4) она позволяет с любой нужной степенью точности определить каждую точку планеты; 5) она стройна и проста, наконец. Возникнуть она смогла только в итоге очень широких знаний и очень высокой абстракции, без этих условий она невозможна. Еще и сегодня она не стала всеобщим достоянием. Некоторые малые народы мира ее не знают. А там, где она восторжествовала, параллельно с ней уцелели локальные средства ориентировки «идите направо, поверните налево».

Локальные же выражения ее по своему составу совершенно «анти-системны». В одном и том же языке смешаны как равные самые разные по происхождению названия четырех основных сторон света, — одни по видимому положению солнца, другие по рельефу местности или иному локальному ориентиру и т. д.; наиболее часты два блока, но нередки и дробней. Не система, а хаос? Нет! Каждая система выбирает элементы предшественниц подобно тому, как древнеримский триумфатор привязывал побежденных к своей колеснице. Тепловоз нашел источник движения в самоваре, трубу — в печке, рельсы — в древних деревянных настилах, а он — единое, работающее целое, система — и какая!

Строгая геометрическая система позволила разделить стороны горизонта на равные части, удвоив до 8, даже до 16. Эти множества по самой сути противоположны множествам сторон прежних локальных ориентировок.

Именования промежуточных сторон света, как правило, образованы словосложением: норд-ост, зюд-вест. Интересно различие: во всех языках индоевропейских (от них в тюркских и ряде других) первый компонент — названия полюсов, а в японском, китайском, вьетнамском, бирманском, лаосском, гавайском порядок обратен: впереди запад и восток. Эту деталь не заметили, по географии различия таково, что его невозможно объявить случайным, хотя в словосложениях семантически равноправных и грамматически однородных компонентов безразличен их порядок. Сами понятия промежуточных румбов поздны. В языковом выражении их, видимо, отражены пережиточно различия двух культур — дальневосточной с базой ориентировки на восточную и западную стороны, европейской — с более поздней ориентировкой на точки полюсов. Исключения редки. В финском-суоми названия промежуточной стороны построены по дальневосточному порядку, ориентировки — локальной: в употреблении обычной *luode*, чем *länsipohjoinan* (*länsi* 'запад', *pohjo* 'север'). Собственные эстонские названия промежуточных сторон света — независимы от названий основных сторон: *kirre*, *kagu*, *edel*, *loe*. В суахили — порядок их «дальневосточный», но там они не словосложения, а словосочетания, образованные притяжательно: *magharibi ya kusini* 'запад южный' (т. е. ю.-з.).

А в тибетском языке порядок свой, уникально-логичный по ходу солнца: север-восток, восток-юг, юг-запад, запад-север.

В тюркских и некоторых других языках горизонт делили на 12 частей по «животному циклу», членение арифметически дробно и держалось долго, но вынуждено было отступить.

Без терминов пространственной ориентировки человечество было бы слепое. В этом прямом назначении они незаменимы. Но они драгоценны для многих отраслей науки. Их показания позволяют раскрыть: формирование представлений о планете, древние верования, развитие мышления от хаоса разрозненных наблюдений к целостной глобальной системе, историю народов (их расселение, связи, миграции), историю языков (различия межъязыковых общностей — гене-

тических, контактных, типологических), семантическое словообразование — сегодня метонимия (перенос по смежности) и метафора (перенос по сходству) — стилистические средства, а в прошлом — основные способы создания слов. Им же образованы почти все названия стран света. Эти названия — красноречивые свидетели истории мировой культуры.

Н. В. Никончук

ЭПДЕМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ПОЛЕСЬЯ

Каждый говор как унаследованная структура состоит из элементов, которые объединяют его с элементами родственных говоров, а как изолированно оформившаяся система он определяется совокупностью оппозиционных лингвем, в число которых, с одной стороны, входят особенности, распространенные на территории, большей, чем ареал одного говора, а с другой — в нем функционируют эндемизмы, т. е. явления, которые не повторяются нигде.

Любая языковая структура невозможна без эндемических явлений, иначе она была бы структурой пандемизма. Поэтому вопрос о том, чем выделяется диалектный феномен в общенациональном языке или чем отличается от других родственных систем локального распространения, является в первую очередь проблемой эндемизмов.

Эндемическими могут быть элементы всех языковых уровней. Количество их прямо пропорционально инвентарному состоянию яруса, поэтому наибольшим числом неповторимых явлений отличается лексико-семантический уровень.

Выведение эндемического статуса лингвемы сопряжено с определенным квалификационным риском. Пока не зафиксирован и не введен в научный оборот весь диалектный фактаж, ареалогические выводы будут иметь предположительный характер. Однако сомнения в потребности такой работы уменьшаются априорностью того, что эндемизмы все-таки существуют, что они должны вычлениваться даже самой взыскательной фильтрацией, и несомненной пользой стимула к проверке и поиску, который всегда оживляет исследования. Определение эндемического статуса базируется не только на богатстве имеющегося в распоряжении исследователей научного фактажа, но и на личном опыте диалектолога. Приведем пример определения лексических эндемизмов *стрижок* 'крутой берег реки', который употребляется в верхневолжских говорах, и *отрѣш*, *утрѣш* 'колышек, который соединяет ярмо с дышлом' (львинские говоры).

'Крутой берег реки'

Украинский язык: *бѣрег крутий* (Гринченко) ¹; *прѣкрий* (Там же); *стримкий* (Там же); *стрѣмк'ї*, *стрѣмк'ї* (Полесье) ²; *стрѣмно*, *стрѣменѣ*, *стрѣм'я* 'крутой склон' ³; *завіс*, *завісь*, *завіса* то же (Там же); *навѣса* то же (Там же, 237); *бѣмїт* (Там же, 239); *жгріма* 'очень